

Ворников В. И. — кандидат философских наук, докторант кафедры философии и социологии Государственного учреждения «Южноукраинский национальный педагогический университет имени К. Д. Ушинского».

УДК 130. 2.-316. 32

ФЕНОМЕН КОНВЕНЦИИ В СОЦИАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

В статье особое внимание уделено проблеме отношений и взаимоотношений в обществе. Сделана попытка раскрытия и прояснения сущностных характеристик феномена конвенции в социальном пространстве. Обосновывается необходимость переосмысления форм согласия и согласованности в современности.

Ключевые слова: общество, сообщество, отношение, взаимодействие, противоречие, конфликт, конвенция, консенсус, согласие, целостность структуры.

ФЕНОМЕН КОНВЕНЦІЇ У СОЦІАЛЬНОМУ ПРОСТОРИ

В статті особлива увага приділяється проблемі відношень і взаємовідношень в суспільстві. Зроблена спроба розкрити та прояснити суттєві характеристики феномену конвенції в соціальному просторі. Обґрунтовується необхідність переосмислення форм згоди і узгодження в сучасності.

Ключові слова: суспільство, спільнота, відношення, взаємодія, протиріччя, конфлікт, конвенція, консенсус, цілісність структури.

THE PHENOMENON OF CONVENTION IN THE SOCIAL SPACE

Special attention is paid to relations and relationships in society in the article. An attempt to uncover and clarify the essential characteristics of the phenomenon of the convention in social space is made. The need to rethink the forms of consensus and coordination in modern times is reasoned.

Key words: society, community, relations, cooperation, conflict, convention, consensus, the integrity of the structure.

Актуальность исследования. В общественном сознании каждые изменения воспринимаются и отражаются как изменения образа — стиля жизни, как социальные катастрофы и определенные противоречия — между желаемым и действительным, которые объективно детерминируют смену стилевых регулятивов взаимодействия и взаимоотношения, вызывают необходимость переоценки социокультурных ценностей, духовных ориентиров и различных социальных — общественно значимых убеждений.

Актуальность решения данных проблем всецело связана с конвенциями, а также с необходимостью перманентного поиска их новых форм, которые соответствуют современным требованиям и запросам общества, сообщества, самоорганизующегося общества.

Такое состояние в современности вызывает потребность переосмысления исторического смысла (содержания, форм, принципов) конвенции, которая уже не дееспособна.

Актуальным в настоящее время остается уточнение и прояснение категориального аппарата — основы термина конвенция, в особенности как феномена общественного сознания.

В целом очевидно, что социально-философский подход к исследованию феномена общественного сознания — конвенции продолжает быть актуальным в условиях изменения общественных отношений, перехода к многообразию форм согласия, согласованности в обществе, в особенности в связи с достаточно четко заявляющимися о себе формами постмодернистского плюрализма.

Степень разработанности проблемы. В истории исследований проблем отношений, взаимоотношений в обществе собран и накоплен определенный фонд работ, в которых, тем не менее,

содержатся достаточно обоснованные аргументы и предпосылки для продолжения изучения и переосмысления феномена конвенции в социальном пространстве.

Отдельные аспекты отношений и согласия в обществе анализировались в аспекте диалектики сущности и существования человека, закономерностей формирования сознания — общественного сознания В. Г. Афанасьевым, А. П. Бутенко, Р. И. Косолаповым, В. А. Медведевым, М. П. Мчеловым, М. П. Ненашевым, С. И. Поповым, В. О. Семеновым, А. К. Уледовым и другими.

В социальном пространстве отдельные аспекты функционирования феномена конвенции Т. Г. Аболина, В. С. Библер, М. Волзер, А. Г. Здравомыслов, А. М. Ермоленко, А. Карась, М. С. Каган, М. Кренстон, В. А. Лекторский, В. А. Малахов, П. Рикер, Л. А. Ситниченко, В. Соловьев, В. Тишков, А. К. Уведов и другие.

Теории социальных связей и отношений — на основании конвенций, в частности, разработаны А. Арато, П. Бурдье, Дж. Голлом, Е. Геллнером, Дж. Кином, Дж. Когеном, Дж. Маклином, Ю. Хабермасом и другими.

В общем виде в исследованиях особое значение придается структуре морального сознания, которое, в свою очередь, непосредственно связано с феноменами конвенции. В частности, В. А. Малахов обращает внимание на то, что в структуре морального сознания заключены совокупность норм запретов и требований, которые регулируют человеческую деятельность и поведение.

Обращает внимание то, что социально-историческое пространство общественного сознания, в своих началах — основаниях всегда (практически довольно часто) соизмеряется с определенным рядом этического (ценностного) морально-нормативного социального капитала данного общества.

В теориях социальных связей и отношений А. Арато, Дж. Голла, Е. Геллнера, Дж. Когена и других конвенция определяется как сложная социальная программа (социальный конструкт — проект), который позволяет создавать проекты — модели различных общезначимых взаимодействий или ситуаций с заданными свойствами, целесообразных с точки зрения всех участников отношений или частично — с их представлениями о чем-либо.

В общем виде, по мысли С. Крона, основания для избрания конвенций неизбежно оказываются точками зрения ценности и целесообразности, а поэтому всякий конвенционализм стремится к прагматизму.

С точки зрения М. Фуко, соглашение (конвенция, согласие) является лишь временным состоянием погашения конфликтов, которые выявляются на уровне отношения в обществе и государстве в целом.

В социальных связях и отношениях, в общественном сознании и для него, конвенции выступают тем этически-нормативными регулятивами деятельности, которые, создавая согласие, согласованность в обществе, оказывают непосредственное и определенное влияние на каждого человека /Дж. Маклин/.

Социальная нормативность конвенции фактически заявлена во всех традиционных, уже ставших социально-историческими исследованиях, в частности, у В. Г. Афанасьева, А. П. Бутенко, В. А. Медведева, М. П. Ненашева, А. А. Старченко и других, раскрывающих закономерности формирования общественного сознания.

Недостаточно освещенные аспекты проблемы. На основании изучения и анализа исследований стало возможно заключить об актуальности — и до современности проблем согласия, согласованности в обществе, о важности и необходимости переосмысления феноменов конвенции в общественном сознании.

В исследованиях обнаруживается крайняя противоречивость в трактовке определяющих характеристики конвенций в социальном пространстве, общественных отношениях и взаимодействии, а также в понимании, определении их содержания и смысла как именно социально-философских категорий. Именно по этой причине возможно наблюдать и выявить определенную полисемию категориальной трактовки и определения сущности, природы конвенции.

Очевидное отсутствие специальных монографических и диссертационных работ, одновременно включающих прояснение категориального аппарата — смылосущностных и смылосодержательных характеристик конвенции, обусловили и обосновали тему данного исследования.

Цель исследования: раскрыть и прояснить категориальный аппарат феномена общественного сознания — конвенции. Обосновать необходимость переосмысления форм согласия и согласованности в социальном пространстве.

Основное содержание: В «нелинейной» концепции истории общества современная история, равно как и прошедшая, воспринимается как результат деятельности людей, где имеют место и прогресс, и рассветы и закаты, многочисленные расслоения и объединения, единство и многообразие.

В истории человечества особо важными всегда были и есть отношения одного человека с другим, а следовательно, к ним всегда было пристальное внимание. От верно установленных форм взаимодействия людей в обществе зависело его благополучие и процветание.

В каждом обществе — общественном сознании всегда задействованы те возможные способы, которые приводят и/или могут приводить, хотя и до определенного времени, к гармоничным отношениям, дающим возможность обществу не только состояться, но и развиваться, а каждому индивиду/личности ощущать себя причастным к общему бытию. При этом характерно, что феномен конвенции в общественном сознании имеет расхождение — от теоретически заявленных и установленных — до эмпирически задействованных и работающих в своей полной функциональной нагрузке. Объединяет эти разногласия то, что они проистекают / проявляют себя в соразмерности из сложившейся исторически структурой общественного сознания.

В социальном пространстве общественные отношения не устроены произвольно, а имеют под собой значительное «регламентированное основание», которое воспринято общественным сознанием как норма, закон, правило. Естественно, что различные изменения и «трансформации» в социуме накладывают свой отпечаток — оставляют свой след на формах деятельности людей и, в особенности, на формы их взаимодействия — взаимоотношений.

Социальные отношения строятся, прежде всего, на «идеальном уровне» /уровне сознания, мышления, речи/, поэтому фактически /реально/ речь всегда идет или должна идти в сторону «взаимодействия конкретных сознаний», создающих и составляющих в комплексе общественное сознание. Для социального пространства этот аспект является особо существенным, так как в «габитусе» /П. Бурдьё/ невозможно без распределения «ролей» — «физической и духовной доли каждого человека — его сознания в степени» осознаваемости действительного положения.

В целом, возможно заключить, что в социальном пространстве, в общественном сознании как социально-культурной структуре идентификации человека и человека, человека и общества, максимально проявлены: горизонтальные отношения и взаимоотношения; солидарность; толерантность, взаимодоверие; «открытость» критике; самоуправляемость; самоорганизация.

В каждом историческом периоде отражены и отображены уровни сложившихся отношений в обществе на основании определенных общепринятых и общезначимых /для общества и каждого его члена в отдельности/ соглашений. При этом достаточно очевидно, что конвенции «пронизывают» все социальное пространство на всех уровнях и выступают, прежде всего, феноменом сознания /сознания людей/ в обществе, общественного сознания.

В сложившемся представлении конвенция /от лат. — договор, соглашение/ — молчаливое согласие, конвенциональный — традиционный, общепринятый [1, с. 217]. Безусловно, что понятие «конвенция» связывают, прежде всего, с конвенционализмом — направлением логического позитивизма.

Обратить внимание возможно на смысловое содержание понятия «конвенция» в аспекте социальных отношений. Так, конвенция — это принятые по соглашению правила поведения и деятельности людей и познавательная операция, предполагающая введение норм, правил, знаков, символов, языковых и других систем на основе договоренности и соглашения субъектов в социокультурном пространстве — в общественном сознании, конвенции предстают как феномен «чутко улавливающий» и фиксирующий изменение ценностных ориентаций политических, научных и других сообществ, смену установок, парадигм, исследовательских программ. Это отражает изменения в социально-исторических отношениях и культуре в целом.

Акцентировать внимание возможно на том, что неоднозначность и неопределенность вводимых конвенций связана в значительной степени с отсутствием разработанного понятийно-категориального аппарата «перехода» — от теоретических конструктов к эмпирическому материалу.

В обществе — в общественном сознании роль конвенции достаточно значима и «разноплановая» как функциональных форм согласия. Несмотря на то обстоятельство, что детально формы согласия, согласованности в обществе не разрабатывались как предмет специального /особого/ внимания, из «ретроспекции» выделяются определенные теории.

Человек, по мысли А. Росмини, нуждается в обществе как состоянии, с которым связана его жизнь. При этом такое состояние есть «чистое» существование того, что дается духом человека и никогда не является в его фактуальном, вещественном и предметном воплощении. Согласно

А. Росмини, это такое состояние согласия людей быть вместе, которое они никогда вслух /во всеуслышание/ не высказывают, и такое согласие имеет характер морального обязательства жить вместе на основе факта подарка жизни [2].

В теории Ю. Хабермаса консенсус /как форма согласия/ является сутью, сущностью всех движущих сил мировой истории, которая в реальном процессе переполнена конфликтами. Он обращает внимание на то, что «активное гражданство складывается на уровне системы и лишено этнично-культурных зависимостей». Гражданство выступает, прежде всего, как явление дискурсивной коммуникации или продуктом политического консенсуса [3].

Возможно в связи с этим обратить внимание, что не все конвенции в обществе, сообществе, а в особенности в самоорганизующемся обществе /теократическое — одно из них, в частности/ имеют необходимость «публичного выявления» в каких-либо определенных формах: общения, коммуникации, диалога. Существуют «негласные» конвенции, где согласие — это деликатное умолчание о понимании, о необходимости того или иного для данного объединения, общества — социального пространства в целом. Характерно при этом, что «неявные» /закрытые, скрытые/ конвенции действуют, функционируют на общих основаниях с публичными — заявленными для всех конвенциями.

В социально-историческом аспекте конвенция — это конструкт такого ранга /статуса/, который фиксирует достигнутое, утверждая его значимость — ценность, придавая участникам уверенность «в верности», правильности усилий их мысли — «конструирующего сознания».

В структуре общественного сознания конвенция — это отражение социального запроса на что-либо /появление необходимого/ значимое, ценностное и целесообразное, входящее в соответствии с определенными рамками /пространством/ культуры.

Акцентировать внимание возможно на том, что «конвенция» — это «обреченность» общества на «взаимосодействие» /М. С. Дмитриева/, что предполагает определенную «креативную свободу» для каждого, и в то же время выступает средством для ограничения «неограниченного воображения» в сторону его привязки /привязанности, соподчинения к прагматической/ практической /структуре бытия — «общественного цензора» за конструктом, а значит — за «конструирующей мыслью».

Достаточно очевидно, что все формы отношений и взаимоотношений в социальном пространстве связаны непосредственно с общением — диалогом, а сам «диалог — общение» подразумевает в своих основаниях следование определенным «моральным нормам». Как отмечает в этой связи В. А. Малахов, разнообразный мир человеческих отношений выступает как сфера «непосредственной реализации моральности» и, прежде всего, в том аспекте, в котором он раскрывается как общение — как межсубъектное взаимодействие между людьми» [4, с. 309].

Современный же «модульный человек», — по заключению Э. Геллнер, — становясь таковым на основании своей способности исполнять высококвалифицированные задания в одной «культурной идиоме» [5, с. 102], востребует иные моральные нормы. В отношении «моральных и интеллектуальных качеств», «модульность» определяется новыми условиями разделения труда, утверждая терпимость перед различными группами и социальными слоями».

Обратить внимание возможно на то, что для достижения «нового уровня взаимопонимания», «модульный человек» не может оставаться на уровне концептов, понятий, представлений и вкусов, присущих для относительно или всецело изолированных общностей, сообществ, коммун, присущих, в частности, аграрному обществу. Очевидно, что «модульный человек» в социально-исторической проекции становится той проблемой, которая дает основания «переосмысления» всех социальных отношений, взаимоотношений «новых людей в уже новом обществе».

В заявленных в ретроспекции позициях и принципах не отслеживается в достаточной мере особое внимание к «новому общественному сознанию», где происходит деятельность и создаются «прототипы модульных людей — выступающих как требование, условие» общественного обустройства — «общественного бытия». Акцентировать внимание возможно на том, что в определенной мере задействован весь «социопсихологический комплекс» — общественного сознания в целом и каждого человека в отдельности. «Трансформированное сознание модульного человека» не совпадает в большинстве с сознанием — с его «классическими параметрами» и критериями основания — в социальном пространстве.

Одновременно с возникающими «противоречиями» в исторически сложившихся социальных отношениях происходят поиски таких способов взаимодействия в обществе, которые, если и не возможно осуществлять в полной мере, возможно производить в определенных устремлениях к ним. Данные способы подразумевают, прежде всего, «идеальность».

«Социальная практика человечества» всегда имеет под собой «особый свод моральности — этичности», подразумевающий, что действие каждого члена общества должно быть соотносимо с критериями добра, общего блага, благополучия для всех и с «духовной совестью и честью каждого». С очевидностью, основание человеческой моральности подразумевает задействование всех «позитивных» человеческих качеств: обязательности и ответственности, совести, доверия, склонности к компромиссу».

Из истории явствует, что фактически все действия людей «предполагают» то, что они изначально должны быть в согласии, в согласованности одного с другим каждого человека. В общественном сознании исторически такая ситуация является «проблематичной», ведь, прежде всего, состоящее из уже «созданных» каждой частью своей свободы, в своем «целом» — общественное сознание подчинило /связало условиями и требованиями единичное /индивидуальное сознание, придав ему функцию, хотя и в определенной мере, зависимости от «новообустроенного, новоприобретенного целого» для социального пространства данной эпохи.

Сама система /комплекс, ансамбль/ обустроенных «социальных схем» обуславливает существование в общественном сознании /как общем — целом/ определенных проекций /взглядов, отношений/, выполнение которых является, в определенной мере, обязательным как «этической нормы коммуникации». Фактически «общественное признание» является формой /средством/ включения индивида /как части/ как равноправного партнера общественной жизнедеятельности. Очевидно, что конвенция и толерантность приобретают в свои структуры особые черты, в «неявном» содержании которых отражен уровень, прежде всего, «социокультурной адаптации» человека к окружающей среде и в которую он «исторически погружен».

От степеней «погруженности» конвенции в «ансамбль целей, желаний, достижений», зависит уровень ее «открытости или закрытости» — по отношению к социальным намерениям каждого /отдельного/ индивида или определенного исторического общества — общественного сознания его.

Достаточно значительным фактором, влияющим на формы согласия, согласованности в обществе, являются традиции, обычаи. Признание определенных форм человеческих обычаев /как форм приличия, прежде всего/ различно истолковано в ретроспекции. Оказывая существенное влияние на общественное сознание и формы взаимоотношений в обществе, «традиция» — обычаи «социального поведения» являются принятыми и признанными как безусловно значимые. Обычаи, по мысли А. де Токвилля, как «моральное и интеллектуальное лицо народа», «имеют значение этичности — этического дискурса». Обычаи существуют как «комплекс убеждений, идей, концептов, верований, присущих определенной исторической общности или сообществу, которые связаны способами восприятий, понимания и поведения людей» [6, с. 249].

В отношении «традиции», конвенция — это принятие обществом /хотя и, возможно, на каком-либо этапе, историческом периоде/ максимально возможного теоретического /идеального/ конструкта как основы /основания/ для начала «нового поиска», но уже имеющего первоначальный импульс от достигнутого предела в форме продукта культуры: понятия, определения, концепции, идеи — в обществе идеала.

В общественном сознании, как замечает М. Волзер, гражданская порядочность состоит в том, что, добиваясь индивидуальных интересов, члены сообщества /общности/ обязаны один другому «гарантией безопасности и благополучия» [7, с. 486–524]. В свою очередь, это означает, что «индивидуальный эгоизм проявляется /выявляется/ в контексте общественных интересов», и это составляет «содержание прагматически ориентированной активности и выражается /отражается/ в гражданском духе». При этом «гражданский дух вызывает у членов сообщества, общества потребность доверия, вежливости, любезности, толерантности и понимания».

Важное значение для общественного единства имеют определенные общие представления и идеи, которые лежат в основании «исторического общественного сознания». Ведь без общих идей, по заключению А. де Токвилля, «невозможны никакие общие действия, а без общих действий люди еще существуют, но общественный организм существовать не может» [6, с. 345].

Безусловно, что «общие идеи», как «концепты», связаны с «концептами самого общества», а значит, и одновременно с общественным сознанием, которое есть следствие и отражение исторических изменений «концептов, концепций общества». «Концепт общества, согласно А. Росмини, его общественное сознание включает в себе социальную доброжелательность и дружбу как его конститутивные факторы», где дружба выступает «высшим /вознесенным/ уровнем доброжелательности». Он определяет, что «идеал социальной доброжелательности и идеал дружбы являются идентичными в смысле порядочности /приличия/, чистой любви». Подчеркивается особо,

что «доброжелательность и дружба не могут быть отделены от порядочности, в основе которой лежит социальная ценность любви».

При этом «конвенция», являясь более »социальным этико-нормативным средством», в первую очередь обращена в сторону не единичного — индивидуального чувства /в форме дружбы и любви/, а к «комплексу отработанных и общепринятых условностей» в структурах, формах, средствах согласия — того, что обуславливает «целостность» на основании определенного и общепринятого в данном обществе, сообществе: ценностей, норм и моральных законов.

Одним из существенных, непосредственно влияющих факторов на «пространство социальных отношений», являются те «ценности», которые приобретены и установлены в общественном сознании. В обществе, в совместной жизни людей, — как отмечает В. А. Канке в частности, — складываются относительно устойчивые «ценностные ориентации». Они приобретают характер общественных норм, ими руководствуются индивиды в своей деятельности [8, с. 139].

«Социальная общность, — пишет Т. Парсонс, — пронизана культурными ценностями, которые обуславливают систему легитимного порядка, преобразовываясь в институализованные нормативные основания общественных взаимодействий». Характерно, что основой «социальной общности выступает нормативный порядок, поддерживаемый гражданами в виде консенсусных отношений» [9, с. 24]. На основании принципа «межсубъектных отношений», который лежит в основании теории «коммуникативного действия и этики дискурса», Ю. Хабермаса заключает, что общественное взаимодействие людей зависит от установленных норм взаимопонимания, возникающих в «процессе рациональной коммуникации». При этом существенна мысль Ю. Хабермаса, что коммуникация, разворачивающаяся на уровне межсубъектного отношения к человеку как к партнеру, приводит к консенсусу, возникающему вследствие «аргументированной речи». Именно на основании «аргументированной речи возможно найти ответ на вопрос о том, что является помехой для взаимодействия». Особо подчеркивается, что «дискурсивное установление воли создает условия для открытой и свободной от принуждения дискуссии, где все участники осуществляют принцип равенства» [3, с. 84–85].

Выводы. На основании выявления и анализа социально-исторических аспектов согласия в обществе возможно сделать определенные обобщения и выводы :

1. В социально-историческом аспекте общественное сознание существенно и практически отражает существующие представления в обществе и об его обустройстве.

2. Каждый исторический период отражает в первую очередь и отображается на этом уровне — уровень сложившихся отношений в обществе на основании определенных общепринятых и общезначимых /для общества и каждого его члена в отдельности/ соглашений.

3. Социальное развитие — в ретроспекции является, прежде всего, разрешением тех противоречий, которые возникают при попытке переобустройства традиционных общественных институций и отношений.

4. Каждые изменения «этического» — «морально-нормативного» содержания общественного сознания становятся причиной и основаниями изменений форм согласия и согласованности. Характерно, что «высшим позитивом общественного обустройства и значимым его идеалом /идеомой/ выступает «добро».

5. Конвенции пронизывают все социальное пространство на всех его уровнях и выступают, прежде всего, феноменами сознания — сознания людей в обществе, общественного сознания.

6. Конвенция — сложный результат взаимоотношений, так как «участники — члены» отдают не только часть своей свободы /творческой свободы — по характеру/, а прежде всего, «поступаются своими определенно значимыми для них /каждого/ принципами. При этом никакая «универсальная идея» не может абсолютно /в абсолюте/ заменить творческо-созидательные и сознательные — уникальные по своей природе /сущности/ — взгляды и позиции каждого человека /в любой из социальных сфер и иерархии/.

7. С изменением социокультурных условий, с безусловностью изменяется и само сущностное основание феномена — конвенции, который отражает /и подвержен изменению/ внешние трансформации социума — переобустройства данного /конкретного/ социального пространства.

8. Феномен конвенции актуален для общественного сознания в той степени /мере/, в которой он затребован как принцип объединения — согласия, согласованности или как принцип определенного теоретического или практического обобщения опыта в сообществе, обществе.

9. Неопределенность и неоднозначность вводимых конвенций связана в значительной степени с отсутствием разработанного понятийного, категориального аппарата и, в особенности — «перехода от теоретических конструктов к эмпирическому материалу».

10. Конвенция, прежде всего — теоретический конструкт, а толерантность — конструкт на основании данного — в действительности /реального/ эмпирического материала, вызывающего необходимость и потребность в определенных отношениях — для общественного жизнедействия как механизма — социального организма.

11. Характерно, что не все конвенции в обществе, сообществе, а в особенности в самоорганизующемся обществе, имеют необходимость «публичного выявления» в каких-либо /определенных/ формах общения /коммуникации, диалога/. Существуют «негласные конвенции», где согласие — это «деликатное умолчание о понимании, о необходимости того или иного данного объединения /общества/ — социального пространства в целом. Особенностью есть то, что «неявные» /закрытые, скрытые/ конвенции действуют, функционируют на «общих основаниях» с публичными, заявленными для всех конвенциями.

12. «Эклектические модели» конвенции отрицательно, в целом, сказываются на отношениях в обществе. Это следствие того, что такие «модели» не соответствуют «социокультурным потребностям» /практическим запросам/ исторического общества, сообщества. Характерно, что в социально-историческом аспекте определенной «эклектичности» были подвержены как формы конвенции, так и формы толерантности, несмотря на то, что они были заявлены как «единосущностные», имеющие «целостно-концептуальную» основу своего происхождения. становления и развития.

13. В обществе конвенция — это такой феномен общественного сознания, который «соподчиняет» в определенное целое /спектр, ансамбль/ комплекс ценности, задействованные в социальном пространстве — обществе.

14. Акцентировать внимание возможно на том, что конвенции исторически приобретают «в свои структуры» особые черты, в «неявном» содержании которых отражен уровень, прежде всего, социокультурной адаптации человека в окружающей его социальной среде, в которую он исторически погружен.

Перспективы дальнейших исследований. Общественное сознание постепенно — «шаг за шагом освобождается» от тех форм взаимоотношений, которые вредят, приносят вред его постоянно «диалектически-перманентно изменяющейся целостности» и становится тем «сознательным социальным пространством», в котором задействованы и действуют уже «новые принципы», вызывающие, в свою очередь, проблемы на будущее и актуальную проблематику в данном — в определенном «настоящем».

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ:

1. Философский энциклопедический словарь. — М. : Инфра, 1999. — 576 с.
2. Rosmini Antonio. The Philosophy of Politics. Volume 2. Society and its Purpose. Rosmini Houst, Durham. — 455 p.
3. Хабермас Ю. Производительная сила коммуникации // Хабермас Ю. Демократия. Разум. Нравственность. — М. : Academia, 1995. — 79 — 103. — 245 с.
4. Малахов В. А. Этика. Курс лекцій : [навч. посібник.] / В. А. Малахов. — 4-те вид. — К. : Либідь, 2002. — 384 с.
5. Gellner E. Condition of Liberty. Civil Society and its Rivals. — Penquin Books, 1986. — 225 p.
6. Токвіль Алексіс де. Про демократію в Америці / Алексіс де Токвіль; [пер. з франц.] У двох томах. — К. : Всесвіт, 1999. — 590 с.
7. Волзер Майкл. Безпека і добробут / Майкл Волзер // Сучасна політична філософія. — К. : Основи, 1998. — С. 486–524.
8. Канке В. А. Основы философии : [учебн. для студент. средн.-спец. завед.]. / В. А. Канке. — М. : Логос, 1999. — 288 с.
9. Парсонс Т. О структуре социального действия / Т. Парсонс ; [пер. с англ.]. — М. : Академ. проект, 2002. — 880 с.
10. Апель К. О. Дискурсивна етика : політика і право / К. О. Апель. — К., 1999.
11. Єрмоленко А. М. Комунікативна практична філософія / А. М. Єрмоленко. — К., 1999.